

Дневник этого года. Шёпот леса

Радомир Веснин

Радомир Веснин

Дневник этого года. Шёпот леса

«Автор»

2026

Веснин Р.

Дневник этого года. Шёпот леса / Р. Веснин — «Автор», 2026

Что, если лес умеет чувствовать? Молодая берёза впервые просыпается после зимы и обнаруживает, что она не одна. Под землёй — целая сеть. Старый дуб хранит память столетий. Тревожная осина первой чувствует беду. Липа делится последней влагой с теми, кто слабее. Сосна не верит в разговоры — она привыкла выживать одна. Клён просто радуется солнцу и муравьям. Они не говорят словами. Они передают друг другу сигналы — через корни, через грибницу, через тепло и страх. И когда приходит засуха, а следом гусеницы, именно эта связь помогает им выжить. А когда уходит старая ель, лес учится жить с потерей — и передавать память дальше. Это роман о дереве как о личности. Со своим характером, страхами, радостями и правом на жизнь. Один год. Четыре сезона. Семь голосов. Один лес. Роман о лесе, который живёт своей жизнью — со своими радостями, потерями и памятью. Один год. Четыре сезона. Семь голосов.

© Веснин Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Часть I. Весна	8
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	18
Глава 7	19
Глава 8	20
Глава 9	21
Глава 10	22
Глава 11	23
Глава 12	24
Глава 13	27
Глава 14	29
Глава 15	31
Глава 16	33
Глава 17	35
Глава 18	37
Глава 19	40
Глава 20	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Радомир Веснин

Дневник этого года. Шёпот леса

Глава 1

Авторское примечание

Прежде чем вы начнёте читать, я хочу сказать одну вещь.

В этом романе деревья «говорят». Они передают друг другу сигналы через корни, через грибницу и через что-то ещё — то, что человек пока не научился слышать.

Это не чистая выдумка.

За последние десятилетия учёные обнаружили, что под землёй, под нашими ногами, существует мир, о котором мы почти ничего не знали. Грибные нити — микориза — оплетают корни деревьев и соединяют их в единую сеть. По этой сети, как по проводам, идут сигналы: о засухе, о нашествии насекомых, о том, кто голодает, а кто умирает. Старые деревья, перед тем как упасть, словно бы «отдают» накопленное молодым росткам у своих корней.

Эту сеть иногда называют «лесной паутиной» — Wood Wide Web.

Споры в науке ещё идут. О том, сколько именно информации передаётся по этим каналам и можно ли называть это «помощью», учёные спорят до сих пор. Сказать, что у деревьев есть «чувства» или «намерения», в лаборатории невозможно.

Но одно известно точно: **лес — это не просто множество отдельных, молчащих деревьев. Они связаны.**

Всё, что делает этот роман, — идёт на один шаг дальше по этой уже доказанной линии. Я попытался представить: а что, если эта связь — осознанная? Что, если эти медленные, химические, электрические сигналы — на каком-то недоступном нам уровне — действительно чьё-то «переживание»?

Каким был бы тогда этот мир?

Мир, в котором есть радость, страх, потеря и память.

У нас нет доказательств, что он существует.

Но нет и доказательств, что его нет.

Пролог

Дуб-патриарх. Последний день зимы.

Я проснулся раньше всех.

Так бывает каждый год: сначала приходит не свет, а что-то другое — тонкое, почти неуловимое. Будто земля под корнями чуть вздрагивает и отпускает. И тогда я понимаю: зима кончилась.

Но в этот раз всё было иначе.

Я был в мёрзлой почве, и она не отпускала. Обычно к концу зимы снег становится тяжёлым, напитанным водой, и корни чувствуют, как он оседает, как уходит в землю. А сейчас снег был сухим. Лёгким. Он не таял — он просто исчезал, будто его выпивали.

Я потянулся вверх. Медленно, как всегда. Мои ветви — их много, и некоторые уже не гнутся, как раньше, — приняли на себя первый утренний холод. Он был не таким, как обычно. Резче. Злее.

Я подождал.

Раньше, в такие минуты, я уже слышал их. Не звук — звука в нашем мире нет. Что-то другое. Далёкое, слабое, как если бы кто-то очень старый и очень уставший посылал сигнал: я здесь. Осина. Она всегда просыпается первой из молодых. Потом — Липа. Она просыпается

медленно, но её голос тёплый, и он расходится по сети, как круги по воде. Потом — Клён. Этот всегда опаздывает, но когда просыпается, кричит так, что его слышат даже те, кто спит.

Я подождал ещё.

Ничего.

Только пустота. Ровная, глухая, как промёрзшая земля. Я послал сигнал сам. Слабый, но достаточный. Я не умею кричать — я старый, и мои сигналы больше похожи на вздох. Но меня всегда слышали.

Тишина.

Я не испугался. Я слишком стар для испуга. Но что-то внутри меня сжалось — там, где уже давно не растут новые кольца. Я вспомнил. Сто лет назад, когда я был ещё не таким старым, была такая же весна. Сухая. Тихая. Тогда мы потеряли три дерева. Не сразу — они ушли к середине лета. Я помню, как Осина — не эта, другая, старая Осина — кричала всю ночь, а никто не отвечал.

Я не хочу, чтобы это повторилось.

Я потянулся вниз. Мои корни уходят глубоко, и там, внизу, есть места, где сеть ещё живая. Я чувствую это: тонкие нити, которые не принадлежат мне, но которые я знаю не хуже своих собственных. Они соединяют меня с Липой. С Сосной. С молодыми, которые ещё не научились говорить, но уже умеют слушать.

Я послал сигнал вниз. Не тревогу — просто вопрос. Вы здесь?

И тогда я почувствовал это. Слабое. Далёкое. Но живое.

Осина.

Она не сказала да. Она не умеет говорить да. Она просто передала то, что чувствовала: сухость. Тревогу. И ещё что-то — то, чего я не понял. Что-то новое.

Я не знаю, что будет этой весной. Я не знаю, переживём ли мы её все. Но я знаю одно: мы ещё здесь. Пока есть сеть — есть и мы.

А если сети не станет...

Я не хочу об этом думать. Я старый. Я устал. Но я ещё держусь.

И я буду держаться, пока меня слышат.

Часть I. Весна

Глава 1

Берёза. Первая неделя весны.

Я не помню, как это началось.

Сначала не было ничего. Только холод. Долгий, ровный, без конца и края. Я не знала, что я — это я. Я была просто частью земли. Твёрдой, промёрзшей, чужой.

А потом пришло тепло.

Оно не пришло снаружи — оно появилось внутри. Тонкой струйкой, где-то глубоко, у самых корней. Я почувствовала, как что-то во мне шевельнулось. Медленно. Неуверенно. Будто я впервые попробовала двинуться.

Я не знала, что делать. Я не знала, зачем. Я просто почувствовала, что должна тянуться вверх. Туда, где свет. Я не видела его, но знала, что он там. Так бывает у нас: мы не видим свет глазами, но чувствуем его кожей. Он тёплый. Он зовёт.

Я потянулась.

Это было тяжело. Кора на мне ещё не окрепла — я была тонкой, гибкой, почти прозрачной. Ветер бил по мне, но не мог сломать. Он был злой, но слабый. Я гнулась, но не ломалась. И это было странно: я не знала, что так можно — гнуться и оставаться целой.

Потом я услышала.

Не звук. Что-то другое. Как будто кто-то очень далеко позвал меня — не словом, а толчком. Лёгким. Тёплым. Я не поняла, что это. Я замерла и прислушалась. Но было тихо.

Я снова потянулась вверх.

И тогда это повторилось. Сильнее. Отчётливее. Будто кто-то спрашивал: ты здесь?

Я не знала, как ответить. Я не знала, что умею говорить. Я просто почувствовала, что должна что-то послать назад. Не знаю почему. Просто почувствовала.

Я послала.

Не знаю, что именно. Не знаю, как. Но что-то ушло от меня вниз, в землю, в темноту. И там, в темноте, это что-то подхватили. Я почувствовала, как по моим корням прошла дрожь — не боль, а что-то похожее на удивление. Будто кто-то большой и старый на мгновение повернулся ко мне.

И тогда я поняла: я не одна.

Я не знала, кто эти другие. Я не знала, сколько их. Но они были. Они были там, внизу, в темноте, и они были связаны со мной. Тонкими нитями. Слабыми, но живыми.

Я не знала, что с этим делать. Я не знала, что это значит. Я просто стояла — тонкая, гибкая, почти прозрачная — и чувствовала, как по мне идёт что-то тёплое. Чужое. Но не страшное.

Потом пришёл свет.

Не весь сразу. Сначала он коснулся моих верхних веток — тех, что ещё совсем тонкие. Я почувствовала, как они нагреваются. Как внутри меня что-то начинает двигаться быстрее. Как я дышу. Впервые. По-настоящему.

Я не знала, что это называется дыханием. Я не знала, что это называется жизнью. Я просто чувствовала, что мне хорошо. И что я хочу, чтобы это не кончалось.

А потом я услышала ещё один голос. Громкий. Радостный. Он шёл откуда-то слева, снизу. Он не спрашивал — он кричал. Он кричал так, будто хотел, чтобы его услышали все. И я поняла: этот голос тоже молодой. Такой же, как я. Может, даже младше.

Я не знала, как ответить. Я просто послала вниз то же, что чувствовала: тепло. И голос замолчал. На секунду. А потом крикнул снова — ещё громче. Будто обрадовался.

Я не знала, что это значит. Но мне тоже стало радостно.

Я стояла в мёрзлой земле, тонкая, гибкая, почти прозрачная, и слушала, как вокруг меня просыпается мир. Я не знала, что будет дальше. Я не знала, переживу ли я эту весну. Но я знала одно: я здесь. И меня слышат.

Этого было достаточно.

Глава 2

Дуб-патриарх. Первая неделя весны.

Она ответила.

Я не ждал этого. Я послал сигнал вниз, в темноту, не рассчитывая на ответ. Я просто хотел знать, что сеть ещё жива. Что хоть кто-то там, внизу, ещё держится.

И она ответила.

Слабый толчок. Неуверенный. Как будто кто-то впервые попробовал двинуться и не знал, получится ли. Я почувствовал его у самых дальних корней — там, где сеть истончается и уходит к молодым. Туда, где растёт она.

Берёза.

Я знал, что она там. Я чувствовал её ещё с осени — тонкий росток, почти невидимый, но живой. Она не умела говорить. Она даже не знала, что можно говорить. Но она была. И этого хватало.

А теперь она ответила.

Я не знал, что это значит. Может, она просто почувствовала тепло и потянулась. Может, это было случайно. Молодые часто делают что-то случайно, не понимая, что творят. Но всё равно. Это был первый сигнал за всю зиму. Первый голос, который я услышал.

Я послал ей ещё один толчок. Мягкий. Не вопрос — просто знак. Я здесь. Ты не одна.

Она не ответила сразу. Я чувствовал, как она замерла. Как будто испугалась. Молодые всегда пугаются, когда впервые понимают, что они не одни. Это проходит. Со временем.

Потом она послала что-то назад. Не слово. Не сигнал. Просто тепло. Слабое, дрожащее, но тёплое. Она не знала, что делает. Но она делала это.

Я не стал отвечать. Не потому, что не хотел. Просто не было нужды. Она уже поняла главное: она не одна. Остальное придёт.

Я снова потянулся вверх.

Свет был странным. Не таким, как обычно. Он приходил раньше, чем должен был, и был ярче. Но тепла в нём было меньше. Я чувствовал это кожей — той, что на старых ветвях, уже потрескавшейся, но ещё живой. Свет грел, но не согревал. Это плохой знак.

Я помню такую весну. Давно. Сто лет назад. Тогда свет тоже пришёл рано. Яркий, но пустой. Мы обрадовались — глупые, молодые. А потом пришла сухость. Земля стала твёрдой, как камень. Вода ушла вглубь, туда, куда не достают даже мои корни. Мы теряли деревья одно за другим. Сначала слабые. Потом сильные. К концу лета нас стало меньше.

Я не хочу, чтобы это повторилось.

Я послал сигнал вниз. Не вопрос — приказ. Осторожно. Следите за землёй. Слушайте корни. Если станет сухо — говорите.

Ответ пришёл не сразу. Сначала — Осина. Она всегда отвечает первой. Её сигнал был резким, коротким. Поняла.

Потом — Липа. Мягко, спокойно. Хорошо.

Потом — тишина. Сосна не ответила. Она никогда не отвечает. Она считает, что это глупо — говорить, когда можно просто ждать. Я не спорю с ней. У неё свои причины. Но иногда мне хочется, чтобы она была мягкой.

Я снова посмотрел вверх. Свет стал ярче. День пришёл. Настоящий день, первый в этом году.

Я чувствовал, как по мне движется вода. Медленно, тяжело, как кровь по старым жилам. Она шла от корней к ветвям, и там, наверху, что-то начинало просыпаться. Не листья — ещё рано. Что-то другое. Почки. Тугие, маленькие, слепые. Они ещё не знали, что будет. Они просто ждали.

Я тоже ждал.

Я старый. Я видел много вёсен. Хороших и плохих. Я знаю, что эта будет трудной. Но я также знаю, что мы переживём. Потому что мы вместе. Потому что сеть ещё жива. Потому что даже тонкий росток, который впервые в жизни послал сигнал в темноту, — это уже победа.

Я держусь. И буду держаться, пока меня слышат.

Глава 3

Клён-юнец. Первая неделя весны.

Я проснулся!

Я не знал, что это случится. Я вообще не знал, что что-то может случиться. Я был просто ничем. Тёмным. Холодным. А потом — раз! — и я проснулся. Вот так просто.

Сначала я не понял, что произошло. Было темно, потом стало тепло, потом что-то щёлкнуло — и я почувствовал, что я есть. Я! Есть! Это так странно. Я не знал, что можно просто быть. Но оказалось, можно.

Я потянулся. Вверх. Вбок. Во все стороны сразу. Это было так весело! Я не знал, куда тянуться, и тянулся всюду. Наверное, это выглядело глупо. Но мне было всё равно. Я был живой!

Потом я почувствовал их. Не глазами. Чем-то другим. Что-то шло снизу, из-под земли. Тёплое. Чужое. Но не страшное. Я не знал, что это. Я просто почувствовал, что я не один.

И я закричал.

Я не знал, что умею кричать. Я просто открылся весь — и закричал. Не знаю, что именно. Может, просто: я здесь! Я здесь! Я здесь!

Ответа не было. Наверное, они не поняли. Или не услышали. Или я кричал неправильно. Но мне было всё равно. Я кричал снова и снова. Потому что это было весело.

А потом пришёл свет.

Я не знал, что это свет. Я просто почувствовал, что стало ярче. И теплее. И я потянулся к нему. Из всех сил. Потому что он звал. Он был тёплый. Он был хороший.

Я тянулся так сильно, что чуть не упал. Но не упал. Я ещё слишком маленький, чтобы падать. Я просто стоял — тонкий, кривой, смешной — и тянулся вверх.

А потом я услышал ответ.

Не крик. Что-то другое. Тихий, мягкий толчок. Как будто кто-то большой и старый повернулся ко мне и сказал: вижу.

Я замолчал. На секунду. Мне стало не знаю как. Не страшно. Просто тихо. Хорошо.

А потом я закричал снова. Ещё громче. Потому что если меня слышат — то можно кричать. Значит, я не зря.

Я не знаю, кто они. Я не знаю, сколько их. Я не знаю, что будет дальше. Но я знаю одно: я проснулся. И это самое лучшее, что со мной случилось.

А если что-то ещё случится — я буду кричать. Обязательно.

Но потом я заметил, что я не один такой.

Рядом, совсем близко, я чувствовал ещё кого-то. Такого же маленького. Такого же глупого. Он тоже тянулся вверх. И тоже, наверное, ничего не понимал. Я не знал, как с ним заговорить. Я просто послал вниз тепло. То, которое чувствовал сам.

Он ответил. Слабо. Но ответил.

И тогда я понял: нас много. Целый лес. И мы все проснулись. И мы все тянемся вверх. И мы все кричим. Каждый по-своему.

А потом пришёл ветер.

Я не знал, что это ветер. Я просто почувствовал, что стало холодно. И что-то толкнуло меня. Сильно. Резко. Я никогда раньше не чувствовал такого. Меня качнуло в сторону. Я испугался. Впервые в жизни испугался. Я не знал, что делать. Я просто держался. Из всех сил. Всем, чем мог.

Ветер толкал меня снова и снова. Он был злой. Он хотел, чтобы я упал. Но я не упал. Я гнулся. Низко. Почти до земли. Но не ломался. Я не знал, что так можно — гнуться и не ломаться. Но оказалось, можно.

А потом ветер ушёл.

Я стоял — помятый, дрожащий, но живой. И я понял: это тоже часть жизни. Не только свет и тепло. Ещё и ветер. И страх. И то, что после страха ты всё равно стоишь.

Я послал вниз сигнал. Не крик. Что-то другое. Спокойное. Я здесь. Я выдержал.

И мне ответили. Не словами. Просто теплом. Тем самым, которое я посылал сам. Мне вернули его назад.

Я не знаю, что будет дальше. Может, будет ещё ветер. Может, будет дождь. Может, будет что-то страшное. Но я знаю одно: я выдержу. Потому что я не один. Потому что нас много. Потому что мы все гнёмся — и не ломаемся.

Я буду расти. Я буду тянуться. Я буду кричать. И меня услышат.

Обязательно.

Глава 4

Осина. Первая неделя весны.

Я проснулась от того, что земля была сухой.

Это неправильно. Весной земля должна быть мокрой. Она должна пить снег, который тает, и отдавать воду корням. Так было всегда. Так должно быть. Но в этот раз снег не таял — он исчезал. Просто исчезал, будто его и не было.

Я почувствовала это сразу, как только проснулась. Мои корни лежали в сухой земле. Не в мёрзлой — в сухой. Это хуже. Мёрзлая земля хотя бы честная: она спит, и ты знаешь, что она спит. А сухая земля — она притворяется. Она делает вид, что всё хорошо. Но воды в ней нет.

Я потянулась вверх. Медленно. Осторожно. Я всегда осторожна. Не потому, что боюсь — я не боюсь. Просто я знаю: если поспешишь, можешь не успеть. А я хочу успеть. Я хочу всё почувствовать. Всё заметить. Всё предупредить.

Я — Осина. Я дрожу всегда. Даже когда ветра нет. Даже когда всё спокойно. Это не страх. Это моя работа. Я чувствую то, что другие не чувствуют. Я замечаю то, что другие пропускают. Я — первый сигнал. Я — тревога. И я к этому привыкла.

Но в это утро я почувствовала нечто большее.

Что-то шло с юга. Не ветер — ветер я знаю. Не холод — холод я тоже знаю. Что-то другое. Тонкое. Сухое. Оно шло по земле, по верхнему слою, и оно было... голодное. Я не знаю, как это назвать. Просто голодное. Будто кто-то невидимый пробовал землю на вкус и находил её пустой.

Я послала сигнал. Вниз. Всем. Осторожно. Следите. Что-то идёт.

Ответ пришёл сразу. От Дуба. Мягкий, но твёрдый. Понял. Следи дальше.

От Липы. Тёплый. Спасибо, что сказала.

От Сосны. Тишина. Она никогда не отвечает. Но я знаю, что она слышит. Она всегда слышит. Просто не считает нужным говорить.

Я снова послала сигнал. На этот раз — с вопросом. Что это? Кто-нибудь знает?

Ответа не было долго. А потом пришёл. От Дуба. Один образ. Не слово. Просто картинка: сухая земля, тонкие корни, которые не могут достать до воды. И тишина. Мёртвая тишина.

Я поняла. Это засуха. Она ещё не пришла. Но она идёт. И она будет хуже, чем обычно. Потому что снега не было. Потому что земля пустая.

Я задрожала сильнее. Не от страха — от злости. Я не хотела, чтобы это повторилось. Я помню прошлый раз. Не сама — мне рассказывали. Старые деревья говорили, что тогда погибли трое. Слабые. Молодые. Те, кто не успел.

Я не хочу, чтобы кто-то не успел.

Я послала сигнал снова. Громче. Слушайте все. Вода уходит. Экономьте. Не тратьте зря. Держитесь.

И тогда я услышала её. Берёзу. Тонкую. Глупую. Она не поняла. Она не знала, что значит экономить. Она просто проснулась и радовалась. И она послала мне тепло. Просто тепло. Ничего больше.

Я не знала, что делать. Я хотела крикнуть ей: не время! Не сейчас! Но я не крикнула. Потому что поняла: она не виновата. Она просто маленькая. Она ещё не знает, что мир бывает злым.

Я послала ей сигнал. Мягкий. Не пугайся. Но слушай. Слушай меня. Я буду говорить.

Она не ответила. Но я почувствовала, что она слушает.

Я стояла — тонкая, дрожащая, злая — и смотрела вниз. В темноту. Туда, где лежали корни. Сухие. Голодные. Ждущие.

Я не знаю, что будет дальше. Но я знаю одно: я буду первой. Я всегда первая. И если беда придёт — я её увижу. Я её почувствую. И я скажу всем.

Потому что это моя работа. Потому что я — Осина. Потому что я дрожу. Всегда. И это — не слабость.

Это — сила.

Глава 5

Липа-целительница. Первая неделя весны.

Я проснулась позже всех.

Так бывает каждый год. Молодые просыпаются раньше — они торопятся, они хотят жить. Старые просыпаются медленно — им некуда спешить. А я — я не старая. И не молодая. Я где-то посередине. Поэтому я просыпаюсь, когда земля уже тёплая, а воздух уже пахнет весной.

Но в этот раз всё было иначе.

Я проснулась от того, что кто-то звал меня. Не крик. Не сигнал. Просто тихое, настойчивое ощущение: я нужна. Кто-то ждал меня. Кто-то хотел, чтобы я проснулась.

Я открылась медленно. Мои ветви — их много, и они ещё гибкие, не то что у Дуба, — потянулись вверх. Свет был ярким. Слишком ярким. Он не грел — он жёг. Это плохой знак. Я знаю такие знаки. Я пожила. Я помню.

Я послала сигнал вниз. Я здесь. Кто меня звал?

Ответ пришёл сразу. От Осины. Резкий. Сухой. Просыпайся. Беда.

Я не испугалась. Я слишком устала для испуга. Но что-то внутри меня сжалось. Осина не говорит зря. Если она говорит «беда» — значит, беда.

Я послала сигнал дальше. Всем. Что случилось?

Ответила Осина. Снег не таял. Земля сухая. Вода уходит.

Я закрылась на секунду. Подумала. Это плохо. Это очень плохо. Весной вода нужна всем. Молодым — чтобы расти. Старым — чтобы держаться. Если воды нет — начнётся голод. А потом — смерть.

Я послала сигнал снова. Дуб. Что скажешь?

Он ответил не сразу. Он всегда думает долго. Это его способ. Он старый. Он знает, что поспешишь — сделаешь хуже. Я уважаю это. Но иногда мне хочется, чтобы он отвечал быстрее.

Наконец пришёл ответ. Один образ. Сухая земля. Тонкие корни. Тишина.

Я поняла. Засуха.

Я послала сигнал обратно. Что делать?

Он ответил. Экономьте. Делитесь. Помогайте.

Я кивнула. Не физически — я не могу кивать. Но внутри я кивнула. Это я умею. Это моя работа. Помогать. Делиться. Держать.

Я потянулась вниз. Мои корни уходят не так глубоко, как у Дуба, но они широко расходятся в стороны. Я чувствую многих. Молодых. Слабых. Тех, кто ещё не умеет ждать.

Я почувствовала Берёзу. Тонкую. Глупую. Она радовалась. Она не знала. Я послала ей тепло. Не тревогу — просто тепло. Пусть радуется. Пока может. Я буду рядом. Я помогу.

Потом я почувствовала Клёна. Он кричал. Громко. Весело. Он тоже не знал. Я послала ему тепло. И ему тоже.

А потом я почувствовала Сосну. Она молчала. Как всегда. Но я знала, что она слышит. Она всегда слышит. Она просто не говорит. Я не буду её заставлять. Это её право.

Я стояла — тёплая, широкая, спокойная — и чувствовала, как по мне идёт вода. Её было мало. Но она была. И этого хватало, чтобы держаться.

Я не знаю, что будет дальше. Но я знаю одно: я буду здесь. Я буду помогать. Я буду делиться. Потому что это моя работа. Потому что я — Липа. Потому что я — та, к кому приходят за утешением.

И я не подведу.

Я послала сигнал вниз. Всем. Я здесь. Я с вами. Держитесь.

И мне ответили. Не все. Но многие. И этого было достаточно.

Я закрылась. На секунду. Просто чтобы почувствовать: я не одна. Мы вместе. Мы — лес.

А потом я снова открылась. И стала ждать. Ждать воды. Ждать тепла. Ждать весны.
Она придёт. Я знаю. Она всегда приходит.
Даже если не такая, как раньше.

Глава 6

Сосна-одиночка. Первая неделя весны.

Я слышала их всех.

Осина кричала. Липа успокаивала. Дуб молчал, а потом сказал что-то короткое. Клён вопил от восторга. Берёза посылала тепло всем, кто её слушал.

Я не ответила никому.

Не потому, что не слышала. Я слышу всё. Я всегда всё слышу. Просто я не вижу смысла говорить, когда сказать нечего. Осина дрожит — это её дело. Липа утешает — это её дело. Дуб думает — это его дело. А моё дело — стоять. Просто стоять. И не тратить силы на разговоры.

Я старая. Не такая, как Дуб, но всё же. Мне сто пятьдесят. Я помню много вёсен. Хороших и плохих. И я знаю: разговоры не спасают от засухи. Разговоры не заменяют воду. Разговоры — это то, что делают, когда не могут ничего сделать.

Я могу. Я стою здесь. Мои корни уходят глубоко — глубже, чем у многих. Я достаю до воды, до которой другие не достают. Я не делюсь ею. Это не жадность. Это выживание. Если я начну делиться со всеми, я умру. А если я умру, кто останется? Эти молодые? Они не переживут и одного лета без меня.

Я не жестокая. Я просто честная. Лес — это не семья. Лес — это место, где каждый держится сам. Если ты слабый — ты умрёшь. Если ты сильный — ты живёшь. Так было всегда. Так будет.

Осина послала сигнал. Что-то идёт. С юга. Голодное.

Я почувствовала это ещё раньше неё. Мои корни лежат глубже, и они чувствуют то, что не чувствуют верхние. Это не просто сухость. Это движение. Медленное. Тяжёлое. Что-то идёт по земле, и оно не хочет нам добра.

Я не сказала об этом. Зачем? Они всё равно не смогут ничего сделать. Они будут дрожать, кричать, утешать друг друга. А я буду стоять. И ждать.

Я посмотрела вверх. Свет был ярким. Слишком ярким. Он жёг хвою — старую, жёсткую, привыкшую к солнцу. Но даже мне было неприятно. Это значит, что будет жарко. Жарче, чем обычно. Я помню такое лето. Давно. Тогда погибли многие. Я выжила. Потому что я — сосна. Потому что я умею ждать.

Клён закричал снова. Глупый. Он радовался свету. Он не понимал, что свет может убивать. Я не стала ему объяснять. Пусть порадуется. Пока может.

Берёза послала мне тепло. Просто так. Ничего не прося. Просто тепло.

Я не ответила. Но на секунду я почувствовала что-то. Не знаю что. Может, удивление. Молодая. Глупая. А всё-таки что-то в ней есть. Что-то, чего нет в других. Она не боится посылать сигналы в пустоту. Она не ждёт ответа. Она просто говорит.

Я не такая. Я никогда не была такой. Может, поэтому я до сих пор жива.

Я закрылась. Мои иглы сжались. Вода внутри меня двигалась медленно, экономно. Я не тратила ни капли зря. Я готовилась.

Лето будет трудным. Я это знаю. Но я выживу. Я всегда выживаю.

Потому что я — сосна. Потому что я одна. И потому что я не жду помощи.

Глава 7

Ива у ручья. Первая неделя весны.

Я слышу воду.

Она ещё не пришла. Но я слышу её. Она где-то там, глубоко, под землёй. Она ждёт. Она собирается. Она придёт.

Я знаю это. Я всегда знаю. Я стою у ручья уже шестьдесят лет. Я видела, как он пересыхает. Я видела, как он возвращается. Я знаю его характер. Он капризный. Он приходит, когда захочет. Но он всегда приходит.

Я послала сигнал. Всем. Вода придёт. Но не такая, как раньше.

Они не поняли. Никто не понял. Осина дрожала и думала о засухе. Липа утешала и думала о голоде. Дуб молчал и думал о прошлом. Сосна стояла и думала о себе. Клён кричал и думал о свете. Берёза радовалась и думала о тепле.

Никто не думал о воде.

А я думала. Я всегда думаю о воде. Потому что вода — это единственное, что имеет значение. Не свет. Не тепло. Не разговоры. Вода. Она приходит. Она уходит. Она возвращается. И всё, что мы делаем, — это ждём её.

Я посмотрела вниз. Мои корни лежат в сырой земле — у самого ручья, там, где влага остаётся дольше всего. Мне повезло. Я родилась в хорошем месте. Другим повезло меньше. Они стоят выше. Их корни суше. Им будет труднее.

Я не могу им помочь. Я не умею делиться водой. Я умею только чувствовать. И ждать.

Когда-то здесь был другой ручей. Не этот. Другой. Он шёл левее, и вода в нём была холоднее. Я помню его. Я была молодой. Тогда я не понимала, что вода может уйти. Я думала, что ручей — это навсегда. А потом он исчез. Просто исчез. Одна весна — и его не стало. Я стояла и смотрела на сухое русло. И не понимала, что случилось.

Теперь я понимаю. Всё уходит. Всё возвращается. Но не всегда — туда же. И не всегда — таким же.

Я послала сигнал снова. Не тревогу. Не утешение. Просто мысль. Вода придёт. Но не такая, как раньше. Будьте готовы.

Ответа не было. Никто не ответил. Может, не услышали. Может, не поняли. Может, просто не захотели слушать.

Я не обиделась. Я не умею обижаться. Я умею только стоять. И смотреть на воду. И ждать.

Свет стал ярче. День пришёл. Настоящий день. Первый в этом году.

Я почувствовала, как по мне движется сок. Медленно. Тяжело. Как кровь по старым жилам. Он шёл от корней к ветвям, и там, наверху, что-то просыпалось. Не листья — ещё рано. Что-то другое. Почти незаметное. Но живое.

Я не знаю, что будет дальше. Но я знаю одно: вода придёт. Она всегда приходит.

Даже если не такая, как раньше.

Глава 8

Берёза. Вторая неделя весны.

Я узнала, что такое смерть.

Мне рассказал Дуб. Не словами — он не умеет говорить словами. Он послал мне образ. Сухая земля. Тонкие корни. Тишина. И я поняла: где-то там, далеко, было дерево. А теперь его нет. Просто нет. И никто не знает, куда оно делось.

Я испугалась.

Я не знала, что можно просто исчезнуть. Я думала, что все всегда здесь. Что все всегда будут. Что лес — это навсегда. А оказалось, нет. Оказалось, можно уйти. И не вернуться.

Я послала сигнал Дубу. Почему? Почему оно ушло?

Он ответил не сразу. Он всегда думает долго. Это его способ. Наконец пришёл ответ. Один образ. Вода ушла. Корни не достали. Дерево не выдержало.

Я не поняла. Как — не выдержало? Что значит — не выдержало? Я не знала, что можно не выдержать. Я думала, что если ты живой, то ты просто живёшь. И всё. А оказывается, можно не смочь. Оказывается, можно устать. И тогда ты уходишь.

Я послала сигнал снова. А я? Я уйду?

Он ответил. Не сейчас. Ты молодая. У тебя много воды.

Я не успокоилась. Я не хотела много воды. Я хотела, чтобы никто не уходил. Никогда. Чтобы все всегда были здесь. Чтобы лес был всегда.

Я послала сигнал Липе. Я боюсь.

Она ответила сразу. Тёплый, мягкий толчок. Не бойся. Я рядом. Я помогу.

Я послала сигнал Осине. Ты знала?

Она ответила. Знала. Всегда знаю. Следи.

Я послала сигнал Сосне. Ты знала?

Тишина. Она не ответила. Но я почувствовала, что она слышала. И что ей всё равно. Или не всё равно — просто она не хочет говорить. Я не поняла. Я ещё многого не понимаю.

Я послала сигнал Клёну. Ты знал?

Он ответил. Нет. Не знал. А что случилось?

Я не стала ему рассказывать. Он ещё маленький. Пусть не знает. Пока может.

Я стояла — тонкая, гибкая, почти прозрачная — и думала о том, что где-то там, далеко, было дерево. А теперь его нет. И я никогда его не увижу. И оно никогда не увидит меня.

Мне стало грустно. Впервые в жизни грустно. Я не знала, что это такое. Я думала, что грусть — это когда нет света. Или когда холодно. Но оказалось, грусть — это когда кого-то нет. И ты знаешь, что он никогда не вернётся.

Я послала сигнал вниз. Всем. Просто так. Просто чтобы они знали, что я здесь. Что я ещё здесь. Что я не ушла.

И мне ответили. Не все. Но многие. Липа. Осина. Клён. Дуб. Даже Сосна — короткий, резкий толчок. Как будто она хотела сказать: я слышу.

И я поняла: пока нас много — мы живы. Пока мы говорим — мы вместе. Пока мы помним — никто не ушёл по-настоящему.

Я не знаю, что будет дальше. Но я знаю одно: я буду помнить. Я буду помнить всех. Всех, кто был. Всех, кто есть. Всех, кто будет.

Потому что память — это тоже жизнь. Потому что, пока мы помним, никто не уходит навсегда.

Глава 9

Клён-юнец. Вторая неделя весны.

Я нашёл муравьёв!

Они живут внизу. Под землёй. Я не знал, что там кто-то есть. Я думал, что под землёй только корни. А оказалось, там целый мир. Муравьи бегают туда-сюда. Они маленькие. Смешные. Они всё время что-то делают. Я не знаю что. Но они делают это очень серьёзно.

Я послал сигнал вниз. Кто вы?

Они не ответили. Наверное, они не умеют говорить. Или не слышат меня. Но мне было всё равно. Я просто смотрел на них. Через корни. Чувствовал, как они бегают. Это было весело.

Потом один муравей заполз на меня. На мой ствол. Я почувствовал его лапки. Щекотно. Я засмеялся. Не знаю, как. Просто засмеялся. Внутри. Это было странно. И хорошо.

Муравей пополз дальше. Вверх. Я не стал его прогонять. Пусть ползёт. Мне не жалко. У меня много места. Я молодой. Я ещё расту. У меня всё впереди.

Я послал сигнал Берёзе. У меня муравей!

Она ответила. И у меня. Они смешные.

Я обрадовался. Значит, я не один. Значит, у всех есть муравьи. Значит, мы все вместе. Это здорово.

Потом я послал сигнал Дубу. У меня муравей!

Он ответил не сразу. Потом пришёл образ. Старое дерево. Много муравьёв. Они ползут по коре. Им всё равно. Они просто живут.

Я не понял. Как — всё равно? Разве можно, чтобы было всё равно? Я же чувствую. Мне щекотно. Мне весело. А ему всё равно?

Я послал сигнал снова. Тебе не весело?

Он ответил. Весело. Но не так, как тебе. Я старый. Я видел много муравьёв.

Я задумался. Это странно. Как можно видеть много муравьёв и не радоваться? Может, когда я стану старым, я тоже перестану радоваться? Я не хочу. Я хочу радоваться всегда.

Я послал сигнал Липе. Ты радуешься муравьям?

Она ответила. Радуюсь. Но тихо. Я старая. Я умею радоваться тихо.

Я не понял. Как это — тихо? Радость же громкая. Она кричит. Она светится. Она хочет, чтобы все знали.

Я послал сигнал Осине. Ты радуешься?

Она ответила. Некогда. Слежу.

Я не стал её спрашивать дальше. Она всегда следит. Это её работа. Я не буду мешать.

Я послал сигнал Сосне. Ты радуешься?

Тишина. Она не ответила. Может, не услышала. Может, не захотела. Я не знаю. Я не буду спрашивать снова. Она странная. Но мне она нравится. Она как будто каменная. Но внутри — не каменная. Я чувствую.

Я послал сигнал всем. У меня муравей! И у Берёзы муравей! И у всех муравьи! Это здорово!

Ответили не все. Но многие. Липа. Берёза. Даже Дуб — короткий, мягкий толчок.

И я понял: мы все вместе. Мы все живые. Мы все чувствуем. Даже муравьи. Даже Сосна. Даже я.

Я буду расти. Я буду тянуться. Я буду кричать. И меня услышат.

Обязательно.

Глава 10

Осина. Вторая неделя весны.

Я почувствовала их.

Гусеницы. Они ещё не пришли. Но они уже близко. Я чувствую их запах. Сухой. Тёплый. Голодный. Они ползут где-то там, на юге, и они едят. Всё едят. Листья. Корни. Всё, что найдут.

Я послала сигнал. Всем. Тревога. Гусеницы.

Ответ пришёл сразу. От Дуба. Где?

Я послала образ. Юг. Далеко. Но близко.

От Липы. Сколько?

Я не знала. Много. Очень много.

От Сосны. Тишина. Но я знала, что она слышит. Она всегда слышит.

От Клёна. Гусеницы? Кто это?

Я не стала отвечать. Он ещё маленький. Пусть не знает. Пока может.

От Берёзы. Я боюсь.

Я ответила. Не бойся. Слушай меня. Я скажу, когда будет близко.

Она не ответила. Но я почувствовала, что она слушает. Хорошо. Пусть слушает. Пусть учится. Это важно. Это важнее, чем тепло и свет.

Я помню прошлый раз. Это было давно. Тогда я была моложе. Я ещё не умела чувствовать так, как сейчас. Я просто дрожала, как все. И ничего не делала. А потом пришли они. Гусеницы. Их было так много, что они закрыли свет. Они ели всё. Листья. Почки. Молодые побеги. Я потеряла почти всё. Я думала, что умру. Но я выжила. Потому что я — Осина. Потому что я умею дрожать. Потому что я умею ждать.

С тех пор я научилась. Я научилась чувствовать их заранее. Я научилась предупреждать. Я научилась быть первой.

Я снова послала сигнал. Дуб. Что делать?

Он ответил не сразу. Он всегда думает долго. Наконец пришёл образ. Токсины. Выделяйте токсины. В листьях. В коре. Везде.

Я поняла. Это то, что делают деревья, когда приходит беда. Мы делаем себя ядовитыми. Мы становимся горькими. Мы становимся злыми. И тогда гусеницы уходят. Или умирают. Или просто не едят нас.

Я послала сигнал вниз. Всем. Готовьтесь. Выделяйте токсины. Сейчас.

Ответили многие. Липа. Берёза. Даже Клён — он не понял, но сделал. Даже Сосна — она не ответила, но я почувствовала, как по её хвое прошла горечь. Она готова.

Я тоже стала готовиться. Мои листья — их ещё нет, но почки уже есть — начали меняться. Я почувствовала, как внутри меня что-то движется. Что-то горькое. Что-то злое. Но не для меня. Для них. Для гусениц.

Я стояла — тонкая, дрожащая, злая — и ждала. Я знала, что они придут. Я знала, что будет трудно. Но я также знала, что мы готовы. Мы вместе. Мы — лес.

Глава 11

Липа-целительница. Вторая неделя весны.

Я поделилась водой с Клёном.

Он не просил. Он даже не знал, что ему нужна вода. Он просто рос. Тянулся вверх. Кричал. Радовался. А земля под ним была сухой. Он не понимал. Он ещё маленький. Он не знал, что вода уходит. Он не знал, что нужно экономить.

Я почувствовала это. Мои корни широко расходятся в стороны. Я достаю многих. Я чувствую многих. И я почувствовала, что у Клёна сухо. Очень сухо. Он не дотянется до воды сам. Он слишком маленький.

Я послала ему воду. Немного. Совсем чуть-чуть. Просто чтобы он дожид до следующего дождя. Просто чтобы он не засох. Просто чтобы он был.

Он не заметил. Он просто стал расти чуть быстрее. Чуть веселее. Он не знал, что это я. Он думал, что это само. Так бывает. Молодые не замечают, кто им помогает. Они просто живут. И это хорошо. Это правильно. Пусть живут.

Я не сказала ему. Зачем? Он всё равно не поймёт. А если поймёт — начнёт благодарить. А я не хочу благодарности. Я хочу, чтобы он рос. Чтобы он стал большим. Чтобы он сам потом помогал другим.

Когда-то и мне помогали. Давно. Я была молодой. Я стояла в тени старой ели — той самой, что ушла прошлой осенью. Она была большой. Она закрывала от меня свет. Но она же и делилась со мной водой. Я не понимала тогда. Я думала, что вода приходит сама. А потом ель ушла. И я осталась одна. И только тогда поняла, что она делала.

Я не успела её поблагодарить. Она ушла до того, как я поняла. Это моя боль. Это моя память. Я ношу её в себе.

Поэтому я помогаю Клёну. Не потому, что он просит. Не потому, что он хороший. А потому, что когда-то мне помогли. И я не успела сказать спасибо. Может, если я помогу ему, это будет как будто я сказала спасибо ей.

Я послала сигнал Осине. Как дела?

Она ответила. Гусеницы близко. Готовимся.

Я послала сигнал Дубу. Ты держишься?

Он ответил. Держусь. Старое дерево. Много воды. Хватит.

Я послала сигнал Сосне. Ты как?

Тишина. Она не ответила. Но я почувствовала, что она в порядке. Она всегда в порядке. Она умеет быть в порядке.

Я послала сигнал Берёзе. Ты как?

Она ответила. Боюсь. Но слушаю.

Я послала ей тепло. Не бойся. Я рядом.

Она ответила. Спасибо.

Я не стала говорить, что не за что. Я просто закрылась. На секунду. Просто чтобы почувствовать: я не одна. Мы вместе. Мы — лес.

А потом я снова открылась. И стала ждать. Ждать гусениц. Ждать дождя. Ждать весны.

Она придёт. Я знаю. Она всегда приходит.

Даже если не такая, как раньше.

Глава 12

Дуб-патриарх. Вторая неделя весны.

Я вспомнил.

Сто лет назад. Такая же весна. Сухая. Тихая. Тогда мы потеряли троих. Молодых. Тех, кто не успел. Я помню их. Я помню всех.

Я послал сигнал вниз. Всем. Помните. Тех, кто ушёл. Тех, кто не вернулся.

Ответили не все. Но многие. Липа. Осина. Даже Сосна — короткий, резкий толчок. Помню.

Я помню их не именами. У нас нет имён, как у людей. У нас есть образы. Я помню образ первой. Тонкая. Гибкая. Она росла у ручья. Она любила воду. Она всегда тянулась к ней, даже когда воды было мало. А потом вода ушла. И она ушла вместе с ней. Я помню, как её корни слабели. Медленно, день за днём. Как её сигналы становились тише. Сначала она ещё отвечала. Потом перестала. Потом я почувствовал только пустоту. И тогда я понял: её больше нет. Навсегда.

Я помню вторую. Сильная. Молодая. Она думала, что выдержит. Она не слушала старших. Она тратила воду, как будто её бесконечно. Она говорила: у меня глубокие корни. Она говорила: я справлюсь. А потом вода кончилась. И она не справилась. Она ушла быстро. Почти без сигнала. Просто — тишина. Я не успел даже попрощаться.

Я помню третью. Я не хочу вспоминать третью. Но я помню. Всегда. Она была рядом со мной. Ближе всех. Мы росли вместе. Мы делились водой. Мы делились светом. Мы говорили обо всём — о ветре, о дожде, о птицах, которые прилетали весной. А потом пришла та весна. Сухая. Тихая. И она начала слабеть. Я делился с ней водой. Всей, что мог. Но этого не хватало. Она слабела. Медленно. И я ничего не мог сделать. Я держал её корни своими. Я пытался. Но она ушла. И я остался один. Впервые в жизни — один.

Я не хочу, чтобы это повторилось.

Я послал сигнал дальше. Мы переживём. Мы всегда переживали. Мы — лес. Мы — вместе.

Ответил Клён. А кто ушёл?

Я не стал отвечать. Он ещё маленький. Пусть не знает. Пока может.

Ответила Берёза. Я боюсь.

Я послал ей тепло. Не бойся. Я рядом. Мы все рядом.

Она ответила. Спасибо.

Я закрылся. На секунду. Просто чтобы почувствовать: я не один. Мы вместе. Мы — лес.

Я старый. Я видел много вёсен. Хороших и плохих. Я знаю, что эта будет трудной. Но я также знаю, что мы переживём. Потому что мы вместе. Потому что сеть ещё жива. Потому что даже тонкий росток, который впервые в жизни послал сигнал в темноту, — это уже победа.

Я чувствовал, как по мне движется вода. Её было меньше, чем обычно. Я экономил. Я не тратил зря. Я знал, что лето будет долгим. Я знал, что вода понадобится позже. Поэтому я держал её. Держал глубоко, у самых дальних корней, туда, куда не достают молодые.

Я посмотрел вверх. Свет был ярким. Слишком ярким. Он жёг старые ветви, те, что уже не гнутся, те, что покрыты трещинами. Я чувствовал, как кора нагревается. Это плохо. Это значит, что жара придёт раньше, чем обычно. Я помню такое. Тогда мы не были готовы. Тогда мы потеряли троих. Тогда я был моложе — и глупее.

Теперь я знаю. Теперь я готов.

Я послал сигнал Осине. Следи за землёй. Если станет сухо — говори.

Она ответила. Слежу. Уже сухо.

Я послал сигнал Липе. Держи молодых. Помогай, если сможешь.

Она ответила. Держу. Помогаю.

Я послал сигнал Сосне. Ты как?

Тишина. Она не ответила. Но я чувствовал её. Она стояла. Она держалась. Она была готова. Она всегда готова.

Я послал сигнал Берёзе. Ты помнишь, что я тебе говорил?

Она ответила. Помню. Слушать. Учиться. Держаться.

Я послал ей тепло. Хорошо. Теперь ты знаешь.

Она ответила. Спасибо.

Я не стал говорить, что не за что. Я просто закрылся. И стал ждать.

Лето придёт. Я знаю. Оно всегда приходит. Но в этот раз я готов. Я держу воду. Я держу память. Я держу сеть.

И пока я держу — лес живёт.

А потом я снова открылся. И послал последний сигнал. Всем. Не бойтесь. Мы справимся. Мы всегда справлялись.

Ответили многие. Липа. Осина. Берёза. Клён. Даже Сосна — короткий, резкий толчок.

И я понял: мы готовы. Мы — лес. Мы — вместе.

И пока мы вместе — никто не ушёл навсегда.

Конец первой части

Глава 13

Берёза. Первая неделя лета.

Жара пришла.

Я не знала, что это такое. Весной было тепло — мягкое, ласковое, оно гладило меня по коре и говорило: расти. А теперь что-то изменилось. Тепло стало тяжёлым. Оно давило. Оно не гладило — оно жгло. Оно забиралось под кору и оставалось там. И не уходило даже ночью.

Я не понимала, что происходит. Я думала, что так и должно быть. Я думала, что лето — это просто много света. Но света было слишком много. Он был яркий, белый, злой. Он не звал — он приказывал. И я не знала, что делать.

Я послала сигнал Дубу. Мне плохо. Что это?

Он ответил не сразу. Он всегда думает долго. Потом пришёл образ. Сухая земля. Трещины. Вода уходит вглубь. Держись. Пей глубже.

Я не поняла. Как — пей глубже? Мои корни неглубокие. Я ещё молодая. Я не умею доставать до воды, которая далеко. Я умею брать только то, что близко. А близко — сухо.

Я послала сигнал Липе. Мне страшно.

Она ответила сразу. Тёплый, мягкий толчок. Не бойся. Я рядом. Пей медленно. Не трать зря.

Я не знала, как не тратить зря. Я просто пила. Я всегда просто пила. Я не думала, что воду можно тратить. Я думала, что она всегда есть. А оказалось, нет. Оказалось, её может не быть.

Я посмотрела вниз. Мои корни лежали в земле, и земля была тёплой. Не мокрой — тёплой. Сухой. Я чувствовала, как влага уходит. Медленно, но уходит. И я не знала, как её удержать.

Я послала сигнал Осине. Ты чувствуешь?

Она ответила. Чувствую. Сухо. Очень сухо. Следи за корой.

Я не поняла. Зачем следить за корой? Кора — это просто кора. Она защищает. Она крепкая. Что с ней может случиться?

А потом я почувствовала.

Кора на мне начала трескаться.

Сначала я не поняла, что это. Просто где-то стало тесно. Как будто что-то давит изнутри. А потом — щёлк. Тонкий, почти незаметный. И ещё раз. И ещё. Я посмотрела на себя — не глазами, а кожей, всем телом. И увидела: трещины. Маленькие, тонкие, но они были. Они шли по моей коре, как линии на ладони. Только это были не линии. Это были раны.

Я испугалась. Я послала сигнал Дубу. У меня трещины. Что делать?

Он ответил. Спокойно. Не бойся. Это нормально. Ты растёшь. Кора не успевает. Она трескается. Это пройдёт.

Я не поверила. Как это — пройдёт? Раны не проходят. Раны болят. Раны остаются.

Но я не сказала ему это. Я просто замолчала. И стала ждать.

Жара не уходила. День шёл за днём, и каждый день был такой же, как предыдущий. Свет. Тепло. Сухость. Я начала экономить воду. Я не знала, как это делать, но я училась. Я перестала тянуться так сильно. Я перестала тратить воду на всё подряд. Я оставляла её только на самое главное — на верхние ветки, на молодые листья. Остальное ждало.

Это было трудно. Я привыкла расти. Я привыкла тянуться. Я привыкла кричать. А теперь я должна была молчать. И ждать. И экономить.

Я послала сигнал Клёну. Ты как?

Он ответил. Жарко. Но я расту. У меня муравьи.

Я улыбнулась. Внутри. Он ещё маленький. Он ещё не понимает. Он просто радуется. И это хорошо. Пусть радуется. Пока может.

Я послала сигнал Липе. Спасибо, что помогаешь.

Она ответила. Не за что. Держись.

Я держалась. Из всех сил. Я чувствовала, как вода уходит. Как земля становится суше. Как кора трескается сильнее. Но я держалась. Потому что знала: если я сдамся, я не увижу осень. А я хотела увидеть осень. Я хотела увидеть, как листья желтеют. Я хотела увидеть, как приходит зима. Я хотела увидеть всё.

И поэтому я держалась.

А потом я почувствовала, что стала сильнее. Не сразу. Постепенно. Я научилась брать воду медленнее. Я научилась ждать. Я научилась не тратить зря. И трещины на коре перестали болеть. Они остались, но стали просто линиями. Частью меня.

Я послала сигнал Дубу. Я справляюсь.

Он ответил. Молодец. Теперь ты знаешь.

Я не стала спрашивать, что именно я знаю. Я и так поняла. Я знаю, что жара — это не смерть. Это испытание. И я его прохожу.

Глава 14

Осина. Первая неделя лета.

Они идут.

Я чувствую их сильнее, чем раньше. Гусеницы. Они уже не просто запах. Они — движение. Медленное, тяжёлое, голодное. Они ползут по земле, по стволам, по всему. Они едят. Всё едят. Листья. Почки. Молодые побеги. Всё, что найдут.

Я послала сигнал. Всем. Тревога. Они близко.

Ответил Дуб. Где?

Я послала образ. Юг. Уже не далеко. Близко.

Ответила Липа. Сколько?

Я не знала. Много. Очень много. Больше, чем в прошлый раз.

Ответил Клён. Я не вижу их.

Я не стала отвечать. Он ещё маленький. Он не знает, как это — чувствовать то, чего ещё нет. Он думает, что если не видит, значит, нет. Глупый. Я тоже так думала. Когда-то.

Ответила Берёза. Я боюсь.

Я ответила. Не бойся. Слушай меня. Я скажу, когда будет близко.

Она не ответила. Но я почувствовала, что она слушает. Хорошо. Пусть слушает. Пусть учится. Это важнее, чем тепло и свет.

Я снова послала сигнал. Громче. Они идут. Готовьтесь. Выделяйте токсины. Сейчас.

Ответили не все. Липа. Берёза. Даже Клён — он не понял, но сделал. Даже Дуб — он уже старый, но он тоже начал. Медленно, тяжело, но начал.

А Сосна не ответила.

Я послала сигнал снова. Только ей. Ты слышишь?

Тишина.

Я послала ещё раз. Громче. Ты слышишь меня?

И тогда она ответила. Резко. Коротко. Слышу. Замолчи.

Я не замолчала. Я не умею молчать. Я — Осина. Я дрожу. Всегда. И это моя сила.

Я послала сигнал всем. Слушайте. Они идут с юга. Они едят всё. Они не остановятся. Мы должны быть готовы. Все. Даже те, кто не хочет слушать.

Я не сказала «Сосна». Но все поняли. Я знала, что она тоже поняла. Она всегда понимает. Она просто не хочет показывать.

Я стала готовиться. Мои листья — их много, они дрожат на ветру, они всегда дрожат — начали меняться. Внутри меня что-то двигалось. Горькое. Злое. Но не для меня. Для них. Для гусениц. Я делала себя ядовитой. Я делала себя горькой. Я делала себя такой, чтобы они не захотели меня есть.

Это странно. Быть ядовитой. Ты чувствуешь, как что-то внутри тебя меняется. Как ты становишься другой. Не хуже — просто другой. Ты становишься оружием. Ты становишься защитой. Ты становишься тем, чем должна быть.

Я послала сигнал Берёзе. Ты готова?

Она ответила. Готова. Я выделила токсины.

Я послала сигнал Клёну. Ты как?

Он ответил. Горько. Но я держусь.

Я послала сигнал Липе. Ты как?

Она ответила. Держусь. Помогаю другим.

Я послала сигнал Дубу. Ты как?

Он ответил. Старый. Но держусь.

Я послала сигнал Сосне. Ты как?

Тишина. Но я почувствовала, как по её хвое прошла горечь. Она готова. Она всегда готова.

Я стояла — тонкая, дрожащая, злая — и ждала. Я знала, что они придут. Я знала, что будет трудно. Но я также знала, что мы готовы. Мы вместе. Мы — лес.

А лес не сдаётся.

Я послала последний сигнал. Всем. Держитесь. Я с вами. Я всегда с вами.

И мне ответили. Не все. Но многие. Липа. Берёза. Клён. Дуб. Даже Сосна — короткий, резкий толчок.

И я поняла: мы готовы. Мы — лес. Мы — вместе.

И пока мы вместе — мы выстоим.

Даже против гусениц. Даже против жары. Даже против всего.

Потому что мы — Осины. Потому что мы дрожим. Потому что мы чувствуем. Потому что мы — первые.

И мы не подведём.

Глава 15

Дуб-патриарх. Вторая неделя лета.

Я начал слабеть.

Это не боль. Боль я знаю — она приходит и уходит. Это другое. Это как будто вода внутри меня движется медленнее. Как будто что-то, что всегда текло во мне, начинает останавливаться. Я чувствую это в самых дальних ветвях — тех, что уже не гнутся. Они тяжелеют. Они сохнут. Они ждут.

Я не сказал об этом никому.

Я послал сигнал вниз. Всем. Выделяйте токсины. Сейчас. Не ждите.

Ответила Липа. Ты как?

Я ответил. Держусь.

Это была правда. Я держался. Но я не сказал, чего мне это стоит.

Я помню, как это было раньше. Сто лет назад. Тогда я тоже слабел. Тогда я тоже думал, что не выдержу. Но тогда я был моложе. Тогда во мне было больше воды. Тогда я мог позволить себе тратить.

А теперь я старый. Теперь каждая капля — на счету.

Я чувствовал, как токсины поднимаются по мне. Горькие. Тяжёлые. Они шли от корней к ветвям, и там, наверху, листья становились другими. Не мягкими — жёсткими. Не сладкими — горькими. Я делал себя ядовитым. Я делал себя несъедобным. Я делал себя тем, кем должен был быть.

Это тяжело. Быть ядовитым. Ты чувствуешь, как что-то внутри тебя меняется. Как ты становишься другим. Не хуже — просто другим. Ты становишься стеной. Ты становишься защитой. Ты становишься тем, за кем прячутся другие.

Я послал сигнал Осине. Они идут?

Она ответила. Идут. Близко. Очень близко.

Я послал сигнал Берёзе. Ты готова?

Она ответила. Готова. Но мне страшно.

Я послал ей тепло. Не бойся. Я рядом.

Я не сказал, что сам боюсь. Я не хотел, чтобы она знала. Она ещё маленькая. Пусть думает, что я сильный. Пусть думает, что я всегда буду здесь.

А потом пришла Липа.

Я не звал её. Я никого не звал. Но она пришла. Я почувствовал, как по моим корням прошла вода. Тёплая. Чужая. Но не страшная. Она шла откуда-то снизу, сбоку, из тех мест, где росли её корни. Она делилась со мной.

Я послал сигнал. Не надо. Я справлюсь.

Она ответила. Молчи. Я знаю, что ты слабеешь. Я чувствую.

Я не стал спорить. Я слишком устал для спора. Я просто принял. Впервые в жизни — принял. Это странно. Принимать помощь. Ты чувствуешь себя слабым. Но в то же время — ты чувствуешь, что ты не один. И это сильнее, чем слабость.

Я послал сигнал. Спасибо.

Она ответила. Не за что. Держись.

Я держался. Из всех сил. Я чувствовал, как вода движется по мне. Медленно. Тяжело. Но движется. И этого было достаточно.

Я посмотрел вверх. Свет был ярким. Слишком ярким. Он жёг старые ветви. Я чувствовал, как кора нагревается. Это плохо. Это значит, что жара придёт раньше. Я помню такое. Тогда мы не были готовы. Тогда мы потеряли троих.

Теперь я знаю. Теперь я готов. Даже если слаб. Даже если стар. Даже если устал.

Я послал сигнал всем. Готовьтесь. Жара будет сильной. Но мы справимся. Мы всегда справлялись.

Ответили многие. Липа. Осина. Берёза. Клён. Даже Сосна — короткий, резкий толчок.

И я понял: мы готовы. Мы — лес. Мы — вместе.

А потом я закрылся. На секунду. Просто чтобы почувствовать: я не один. Мы вместе.

И пока мы вместе — никто не ушёл навсегда.

Глава 16

Сосна. Вторая неделя лета.

Я сказала то, что думала.

Я не хотела говорить. Я никогда не хочу говорить. Но Дуб послал сигнал. Выделяйте токсины. Сейчас. Не ждите.

И я ответила.

Я сказала: твои методы стары. Ты погубишь нас.

Это было грубо. Я знаю. Я всегда грубая. Я не умею иначе. Но я сказала правду. Токсины — это не защита. Это трата сил. Мы тратим воду, которую могли бы сберечь. Мы делаем себя горькими, но гусеницы всё равно придут. Они всегда приходят. И тогда мы останемся слабыми. И тогда мы умрём.

Дуб ответил. Не сразу. Он всегда думает долго. Потом пришёл образ. Старое дерево. Много гусениц. Листья съедены. Ветви голые. Тишина.

Я поняла. Он видел это. Он помнит. Он знает, что будет, если ничего не делать.

Но я не отступила. Я сказала: лучше подождать. Пусть они придут. Пусть поедят. Мы сильные. Мы выдержим. А потом они уйдут. Сами. Без токсинов. Без траты сил.

Он ответил. Они не уйдут. Они съедят нас.

Я ответила. Тогда мы умрём с водой. А не без.

Спор слышал весь лес. Я знала это. Я чувствовала, как они слушают. Липа. Осина. Берёза. Клён. Даже Ива — она далеко, но она тоже слышала. Я не хотела, чтобы они слышали. Но я не могла молчать. Это было сильнее меня.

А потом ответила Осина. Она сказала: Сосна, ты не права. Я чувствую их. Они не уйдут. Они будут есть, пока есть что есть.

Я не стала спорить с ней. Осина — не Дуб. Она не думает. Она чувствует. И она права. Я знала это. Но я не хотела признавать.

Я сказала: делайте что хотите. Я не буду тратить силы.

И замолчала.

Я стояла — старая, жёсткая, колючая — и смотрела вверх. Свет был ярким. Слишком ярким. Он жёг хвою. Я чувствовала, как смола выступает на стволе. Это защита. Это моя защита. Не токсины. Не вода. Смола. Я всегда полагалась на неё. Она не подводила.

Я послала сигнал вниз. Только себе. Я выдержу. Я всегда выдерживала.

Ответа не было. Я не ждала его. Я никогда не жду.

А потом я почувствовала, как по моим корням прошла вода. Тёплая. Чужая. Я не звала её. Я никого не звала. Но она пришла. От Липы. Я узнала её. Она всегда помогает. Даже тем, кто не просит.

Я не стала благодарить. Я не умею благодарить. Но я почувствовала что-то. Не знаю что. Может, удивление. Может, что-то другое.

Я послала сигнал. Не надо. Я справлюсь.

Она ответила. Молчи. Я знаю, что ты слабеешь. Я чувствую.

Я не стала спорить. Я слишком устала для спора. Я просто приняла. Впервые в жизни — приняла. Это странно. Принимать помощь. Ты чувствуешь себя слабой. Но в то же время — ты чувствуешь, что ты не одна. И это сильнее, чем слабость.

Я послала сигнал. Спасибо.

Она ответила. Не за что. Держись.

Я держалась. Я всегда держусь. Даже когда не хочу. Даже когда устала. Даже когда всё против меня.

Я посмотрела вниз. Мои корни лежали в сухой земле. Но вода была. Липа дала её. И этого хватало. Пока хватало.

Я послала сигнал Дубу. Ты был прав. Насчёт гусениц. Но я не сдаюсь.

Он ответил. Я знаю. Ты никогда не сдаёшься.

Я не стала отвечать. Я просто закрылась. И стала ждать.

Лето будет трудным. Я знаю. Но я выживу. Я всегда выживаю.

Потому что я — сосна. Потому что я одна. И потому что я не жду помощи.

Но иногда — принимаю.

Глава 17

Липа-целительница. Третья неделя лета.

Я чувствовала, как они спорят.

Не слышала — чувствовала. Спор шёл по сети, как дрожь по воде. Дуб посылал тяжёлые, медленные сигналы. Сосна отвечала резко, коротко, как будто рубила. Между ними был воздух, который я не могла достать. Он был горячий. Сухой. Он трещал.

Я не хотела вмешиваться. Я никогда не хочу вмешиваться. Я умею другое. Я умею ждать. Я умею помогать. Я умею быть рядом. Но я не умею спорить. Я не умею доказывать. Я не умею говорить «ты неправ».

Но кто-то должен был.

Я послала сигнал Дубу. Осторожно. Мягко. Не ссорьтесь. Мы все устали. Мы все хотим одного.

Он ответил. Я знаю. Но она не слушает.

Я послала сигнал Сосне. Осторожно. Мягко. Он не враг. Он хочет защитить.

Она ответила. Я знаю. Но он не прав.

Я послала сигнал обоим. Давайте подождём. Давайте посмотрим. Может, гусеницы уйдут сами.

Дуб ответил. Они не уйдут.

Сосна ответила. Они уйдут.

И тогда я поняла: они не помирятся. Не сейчас. Может, никогда. Они слишком разные. Слишком старые. Слишком уверенные.

Я не стала настаивать. Я просто послала тепло. Обоим. Просто так. Без слов. Просто чтобы они знали: я рядом. Я не на чьей стороне. Я на стороне леса.

Ответа не было. Но я почувствовала, что они приняли. Может, не сразу. Может, неохотно. Но приняли.

А потом я потянулась к ели.

Она была старая. Не такая, как Дуб, но всё же. Она росла рядом со мной много лет. Мы делились водой. Мы делились светом. Мы говорили обо всём — о ветре, о дожде, о птицах, которые прилетали весной. Она была моей подругой. Не громкой. Не заметной. Но настоящей.

И теперь она умирала.

Я чувствовала это. Медленно. День за днём. Её сигналы становились тише. Слабее. Она ещё отвечала, но уже не так, как раньше. Не так тепло. Не так полно. Как будто она уходила куда-то. Далеко. Туда, куда я не могла достать.

Я послала ей воду. Много. Больше, чем обычно. Я отдавала ей всё, что могла. Но этого не хватало. Она была слишком слаба. Она не могла принять. Или не хотела. Я не знала.

Я послала сигнал. Держись. Я рядом.

Она ответила. Слабо. Я знаю. Спасибо.

Я послала сигнал снова. Не уходи. Пожалуйста.

Она ответила. Не я решаю.

Я не стала спорить. Я знала, что она права. Мы не решаем. Мы просто ждём. И надеемся. И держимся.

Я стояла рядом с ней. Всю ночь. Я не спала. Я просто стояла. И ждала. И держала её корни своими. Я не могла сделать больше. Но я делала это.

А потом пришло утро. Свет был яркий. Слишком яркий. Я почувствовала, как ель вздрогнула. Один раз. Сильно. А потом — тишина.

Она ушла.

Я не заплакала. Я не умею плакать. Но я почувствовала, как что-то внутри меня сжалось. Там, где всегда было тепло. Там, где была она.

Я послала сигнал Дубу. Её больше нет.

Он ответил не сразу. Потом пришёл образ. Тишина. Пустота. Я знаю.

Я послала сигнал Осине. Она ушла.

Она ответила. Я знаю. Я чувствовала.

Я послала сигнал Берёзе. Не бойся. Но будь готова.

Она ответила. Я не боюсь. Я с тобой.

Я послала сигнал Клёну. Ты как?

Он не ответил. Тишина. Я не стала настаивать. Он ещё маленький. Он не знает, что делать с этим. Я тоже не знала. Когда-то.

Я стояла рядом с пустотой. Там, где была ель. Там, где теперь ничего не было. Только земля. Сухая. Тёплая. Пустая.

Я послала последний сигнал. Всем. Мы помним. Мы всегда будем помнить.

Отвечили многие. Липа. Осина. Берёза. Дуб. Даже Сосна — короткий, резкий толчок.

И я поняла: пока мы помним — она не ушла навсегда. Она осталась в нас. В нашей воде. В нашем тепле. В нашей памяти.

Я закрылась. На секунду. Просто чтобы почувствовать: я не одна. Мы вместе. Мы — лес.

А потом я снова открылась. И стала ждать. Ждать гусениц. Ждать дождя. Ждать осени.

Она придёт. Я знаю. Она всегда приходит.

Глава 18

Клён-юнец. Третья неделя лета.

Я увидел их.

Я не знал, что это они. Я просто увидел что-то на стволе. Маленькое. Зелёное. Оно ползло. Медленно. Толсто. Я подумал: муравей? Но муравьи маленькие. А это было большое. Больше муравья. Много больше.

Я посмотрел ближе. Не глазами — кожей. Я почувствовал его. Мягкое. Тёплое. Голодное. Оно ползло по мне. По моей коре. И оно ело. Оно ело меня.

Я замер. Я не знал, что делать. Я никогда не чувствовал такого. Муравьи — они щекотные. Они смешные. Они бегают туда-сюда. А это — оно не бегало. Оно ползло. Медленно. Уверенно. Как будто знало, что я не могу убежать.

Я послал сигнал Липе. Что это?

Она ответила сразу. Гусеница. Не бойся. Она маленькая.

Я послал сигнал снова. Она ест меня.

Она ответила. Знаю. Выделяй токсины. Ты помнишь? Как я учила.

Я не помнил. Я не знал, что это такое. Я не знал, как это делать. Я просто чувствовал, как она ест. Как она грызёт. Как от меня отрывается что-то. Маленькое. Но моё.

Я послал сигнал Осине. Помоги.

Она ответила. Не могу. Я далеко. Выделяй токсины. Сам.

Я послал сигнал Дубу. Помоги.

Он ответил. Ты можешь. Просто сделай.

Я не знал, как. Я не знал, что делать. Я просто закрылся. Я не хотел, чтобы она ела. Я не хотел, чтобы она была. Я хотел, чтобы она ушла. Я хотел, чтобы всё было как раньше. До неё.

А потом я почувствовал, как внутри меня что-то движется. Что-то горькое. Что-то злое. Оно шло от корней. Вверх. К тому месту, где она была. И когда оно дошло — она остановилась.

Она замерла. На секунду. А потом поползла дальше. Медленнее. Но поползла. Она не ушла. Она не умерла. Она просто стала медленнее.

Я послал сигнал Липе. Она не уходит.

Она ответила. Выделяй больше. Сильнее.

Я выделил больше. Я не знал, как. Я просто делал. Я делал себя горьким. Я делал себя злым. Я делал себя таким, чтобы она не хотела меня есть. И тогда она остановилась. Совсем. А потом упала. И больше не двигалась.

Я смотрел на неё. Не глазами. Кожей. Она лежала на моей коре. Маленькая. Зелёная. Мёртвая. Я не знал, что делать. Я никогда не убивал. Я не знал, что это так. Ты делаешь что-то — и оно умирает. И ты не знаешь, правильно ли это. Или неправильно. Ты просто знаешь, что оно больше не ест.

Я послал сигнал Липе. Она умерла.

Она ответила. Хорошо. Ты защитил себя.

Я послал сигнал снова. Мне не хорошо. Мне плохо.

Она ответила. Знаю. Так бывает. В первый раз. Потом привыкнешь.

Я не хотел привыкать. Я не хотел, чтобы это было нормально. Я хотел, чтобы муравьи. Чтобы щекотно. Чтобы смешно. Чтобы всё как раньше.

Но я знал, что не будет. Я знал, что теперь всегда так. Что я должен защищаться. Что я должен быть горьким. Что я должен быть злым. Иначе — съедят.

Я послал сигнал Берёзе. Я убил гусеницу.

Она ответила. Молодец.

Я послал сигнал снова. Мне страшно.

Она ответила. Мне тоже. Но мы справимся.

Я послал сигнал Дубу. Я не хочу быть злым.

Он ответил. Не злым. Защищённым. Это разное.

Я не понял. Но запомнил. Может, потом пойму. Когда стану старше. Когда убью ещё. И ещё. И ещё.

А потом я замолчал.

Впервые за всё время. Я не кричал. Я не спрашивал. Я не радовался. Я просто стоял. И смотрел, как она лежит на моей коре. Маленькая. Зелёная. Мёртвая.

Я не знал, что чувствую. Не грусть. Не радость. Что-то другое. Что-то новое. Что-то, чему я ещё не знал названия.

Я стоял. И молчал. И это было тяжело. Тяжелее, чем кричать.

Но я знал, что это правильно. Что так надо. Что я вырос.

Я послал последний сигнал. Всем. Я здесь. Я держусь.

Ответили не все. Но многие. Липа. Осина. Берёза. Дуб. Даже Сосна — короткий, резкий толчок.

И я понял: я не один. Мы вместе. Мы — лес.

И пока мы вместе — мы выстоим.

Даже против гусениц. Даже против страха. Даже против тишины.

Потому что мы — Клёны. Потому что мы растём. Потому что мы учимся.

И мы не сдаёмся.

Глава 19

Ива у ручья. Третья неделя лета.

Ручей умер.

Я не сразу поняла. Я стояла, как всегда, у его берега, и смотрела на воду. Только воды не было. Было русло — сухое, покрытое трещинами, серое. Камни, которые когда-то лежали на дне, теперь лежали на солнце. Они были горячие. Они были мёртвые.

Я помню этот ручей другим. Шестьдесят лет назад, когда я была молодой, он был широкий. Вода в нём шла быстро, она пела, она блестела на солнце. Я любила смотреть, как она бежит. Я не понимала, куда она бежит. Но мне нравилось думать, что она бежит к чему-то хорошему.

Потом он стал уже. Потом — тише. Потом — медленнее. Я замечала это каждый год. Сначала вода ушла с одного берега. Потом — с другого. Камни, которые раньше прятались под водой, показались наружу. Они были тёмные, мокрые, чужие. А потом и они высохли.

Я послала сигнал. Всем. Ручей умер.

Ответила Осина. Я знаю. Я чувствовала.

Ответила Липа. Мне жаль.

Ответил Дуб. Не жаль. Он вернётся.

Ответил Клён. А куда он ушёл?

Я не стала отвечать. Он ещё маленький. Он не знает, что вода может уходить. Он думает, что она всегда есть. Я тоже так думала. Когда-то.

Я послала сигнал Дубу. Ты уверен?

Он ответил. Да. Вода уходит под землю. Она ждёт. Она вернётся.

Я послала сигнал снова. Когда?

Он ответил. Не знаю. Но вернётся.

Я не стала спрашивать больше. Я знала, что он не знает. Он просто верит. Он всегда верит. Это его способ. Он старый. Он видел много. Он знает, что всё возвращается. Даже то, что ушло навсегда.

Я посмотрела вниз. Мои корни лежали в земле у самого русла. Они были сухие. Суше, чем обычно. Я чувствовала, как влага уходит. Медленно. Но уходит. Я не могла её удержать. Я не умею удерживать. Я умею только ждать.

Когда-то здесь был другой ручей. Не этот. Другой. Он шёл левее, и вода в нём была холоднее. Я помню его. Я была молодой. Тогда я не понимала, что вода может уйти. Я думала, что ручей — это навсегда. А потом он исчез. Просто исчез. Одна весна — и его не стало. Я стояла и смотрела на сухое русло. И не понимала, что случилось.

Теперь я понимаю. Всё уходит. Всё возвращается. Но не всегда — туда же. И не всегда — таким же.

Я послала сигнал снова. Всем. Мы должны экономить. Вода уходит. Не тратьте зря.

Отвечали многие. Липа. Осина. Берёза. Клён — он не понял, но сделал. Дуб — он уже знал. Даже Сосна — короткий, резкий толчок. Поняла.

Я не стала спрашивать, как они это делают. Я просто знала, что делают. Мы все делаем. Каждый по-своему. Но вместе.

Я посмотрела на небо. Оно было пустое. Ни облаков. Ни птиц. Только свет — белый, злой, тяжёлый. Птицы улетели раньше, чем обычно. Я видела их. Они собрались в стаю — большие, чёрные, шумные. Они кружили над лесом, а потом ушли на север. Я не знала, куда они ушли. Но я знала, что они вернутся. Весной. Может, не те же. Может, другие. Но вернутся.

Я стояла — старая, седая, молчаливая — и смотрела на сухое русло. Я не грустила. Я не умею грустить. Я умею только ждать. И я ждала.

Я знала, что вода придёт. Она всегда приходит. Может, не такая. Может, не туда. Но придёт.

А пока — я стояла. И смотрела. И ждала. И в этом ожидании было что-то, чего я не могла назвать. Не грусть. Не радость. Что-то другое. Что-то глубокое. Что-то, что живёт в корнях, а не в листьях.

Я послала последний сигнал. Всем. Я здесь. Я жду. Я с вами.

Ответили не все. Но многие. Липа. Осина. Берёза. Дуб. Даже Сосна — короткий, резкий толчок.

И я поняла: пока мы ждём вместе — мы не одни. Пока мы ждём вместе — мы живём.

Даже если ручей умер. Даже если вода ушла. Даже если всё не так, как раньше.

Потому что мы — Ива. Потому что мы стоим у воды. Потому что мы ждём.

И мы дождёмся.

Глава 20

Берёза. Четвёртая неделя лета.

Я увидела их первой.

Не Осина. Не Дуб. Не Липа. Я. Маленькая берёза, которая весной боялась ветра. Я увидела их на своей коре. Маленькие. Зелёные. Они ползли. Медленно. Толсто. Они ели меня.

Я не испугалась. Я не знала почему. Может, потому что ждала. Может, потому что готовилась. Может, потому что Осина говорила. Может, потому что Дуб учил. Я не знала. Но я не испугалась.

Я послала сигнал Осине. Они здесь. На мне.

Она ответила сразу. Где?

Я послала образ. Моя кора. Левая сторона. Много. Ползут вверх.

Она ответила. Выделяй токсины. Сейчас. Не жди.

Я уже выделяла. Я не знала, как. Я просто делала. Я делала себя горькой. Я делала себя злой. Я делала себя такой, чтобы они не хотели меня есть. И это работало. Они замедлялись. Некоторые останавливались. Некоторые падали.

Я послала сигнал Осине. Работает.

Она ответила. Молодец. Теперь ты видишь.

Я не стала спрашивать, что именно я вижу. Я и так поняла. Я вижу их. Я чувствую их. Я знаю, что делать. Я выросла. Я стала той, кто предупреждает. Не той, кого предупреждают.

Я послала сигнал Дубу. Я справляюсь.

Он ответил. Знаю. Ты сильная.

Я послала сигнал Липе. Спасибо, что учила.

Она ответила. Ты сама научилась.

Я послала сигнал Клёну. Ты как?

Он ответил. Я убил одну.

Я послала тепло. Знаю. Я тоже.

Он ответил. Мне плохо.

Я послала тепло снова. Знаю. Мне тоже. Но мы справимся.

Он не ответил. Но я почувствовала, что он слушает. Хорошо. Пусть слушает. Пусть учится. Это важно. Это важнее, чем тепло и свет.

Я стояла — тонкая, гибкая, но уже не прозрачная — и чувствовала, как они ползут по мне. Маленькие. Зелёные. Голодные. Я не ненавидела их. Я не могла ненавидеть. Они просто делали то, что должны. Они ели. Они жили. Они умирали. Как и все.

Но я не давала им есть. Я защищалась. Я делала себя горькой. Я делала себя злой. Я делала себя той, кем должна быть.

Я чувствовала каждую из них. Не глазами — кожей. Вот одна ползёт по левой стороне, медленно, тяжело. Вот вторая — у самой развилки, там, где кора тоньше. Вот третья — внизу, у корней, она ещё маленькая, но уже голодная. Я чувствовала их всех. И я делала себя горькой для каждой.

Это было странно. Быть горькой. Ты чувствуешь, как что-то внутри тебя меняется. Как ты становишься другой. Не хуже — просто другой. Ты становишься стеной. Ты становишься защитой. Ты становишься тем, за кем прячутся другие.

Я не знала, сколько их. Много. Больше, чем я могла сосчитать. Они шли волнами — одна за другой, одна за другой. Я не успевала. Я делала себя горькой, а они всё шли. Я уставала. Я чувствовала, как силы уходят. Как вода уходит. Как всё уходит.

Но я не сдавалась. Я не могла сдаться. Потому что если я сдамся — они съедят меня. А если они съедят меня — они пойдут дальше. К Клёну. К Липе. К Осине. К Дубу. Я не могла этого допустить.

Я послала сигнал всем. Всем сразу. Гусеницы здесь. На мне. Я держусь. Но их много.

Отвечили многие. Осина. Липа. Дуб. Клён. Даже Сосна — короткий, резкий толчок.

И я поняла: мы вместе. Мы — лес.

Я держалась. День. Ночь. День. Я не спала. Я не могла спать. Я просто стояла. И делала себя горькой. И ждала.

А потом они ушли.

Не все сразу. Сначала одна. Потом вторая. Потом третья. Они уходили медленно, неохотно, как будто им было жаль покидать меня. Но они уходили. И я чувствовала, как моя кора становится чище. Как трещины перестают болеть. Как я снова могу дышать.

Я послала сигнал Осине. Они ушли.

Она ответила. Знаю. Я чувствовала.

Я послала сигнал Липе. Я справилась.

Она ответила. Я знала.

Я послала сигнал Клёну. Ты как?

Он ответил. Держусь.

Я послала тепло. Хорошо. Держись. Мы справимся.

Я стояла — тонкая, гибкая, уставшая — и смотрела на свою кору. Она была не такая, как раньше. На ней остались следы. Маленькие. Тонкие. Но они были. Они всегда будут. Как трещины от жары. Как память о том, что было.

Я не знала, что будет дальше. Может, будет ещё жара. Может, будет ещё гусеницы. Может, будет что-то страшнее. Но я знала одно: я выдержала. Я справилась. Я не сдалась.

А если придёт снова — я снова справлюсь. Потому что я — Берёза. Потому что я выросла. Потому что я больше не боюсь.

Я послала последний сигнал. Всем. Я здесь. Я держусь. И я с вами.

Отвечили не все. Но многие. Липа. Осина. Дуб. Клён. Даже Сосна — короткий, резкий толчок.

И я поняла: мы вместе. Мы — лес. И пока мы вместе — мы выстоим.

Даже против гусениц. Даже против жары. Даже против всего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.